

ОКОПНАЯ ПРАВДА | Крестным отцом наркомовского пайка был лихой конник Клим Ворошилов

Сто грамм и русская душа

В списке чудо-оружия Второй мировой довольно часто всплывают «сто наркомовских грамм» – водочный паёк Советской Армии, с которым и смерть не страшна, и мороз не помеха.

Правда, многие обвиняют «наркомовские» в том, что привыкшие к алкогольной стимуляции солдаты спивались. Но если внимательно изучить документы, регулировавшие фронтovou «водкооборот», с этим утверждением не всё так просто. Впрочем, обо всём по порядку.

Ворошиловская норма

Обычно историю фронтového алкоголя принято отсчитывать со сталинского указа от 22 августа 1941 года: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г., выдачу водки 40 градусов в количестве 100 г в день на человека (красноармейца) и начальствующему составу войск передовой линии действующей армии». При этом обычно удивляются: отчего же граммы стали наркомовскими, если Иосиф Виссарионович был председателем ГКО?

А дело, собственно, в том, что крестным отцом водочного пайка был народный комиссар обороны Клим Ворошилов. Именно он, ещё за полтора года до Отечественной войны, во время «зимней кампании» в Финляндии, распорядился ввести спиртное во фронтovou рацион. Несмотря на то, что сам Климентий Ефремович был яростным борцом против армейского пьянства.

Финская кампания была откровенно провальной. Танки с «летним» топливом, хилое обмундирование, винтовки Мосина против скорострельных автоматов «Суоми» – всё это демонстрировало полную неготовность СССР к зимней войне. Холода и массовые обморожения оказались для РККА даже более губительными, чем огонь снайперов-«кукушек».

Обмороженных бойцов прихо-

дилось буквально реанимировать. «Привезут такого в госпиталь, – вспоминали фронтové медики, – а он и сказать ничего не может. Когда же вливали дозу разведенного спирта, боец оживал». Поняв, что без этого не обойтись, врачи обратились к наркому обороны с просьбой ввести водку в рацион. Так и родился «наркомовский паёк»: 100-граммовая бутылочка водки и 50 граммов сала. Лётчики получали столько же коньяка, а танкисты – удвоенную норму водки. Чтобы удовлетворить потребность фронта в спиртном, был срочно запущен водочный завод, оборудованный специальной линией для выпуска «мерзавчиков» – стограммовых пузырьков со спиртным.

Стратегическая стеклотара

Вновь о водочном пайке вспомнили летом 1941 года, когда Красная Армия отступала к Москве и Волге. Тогда-то и появился сталинский указ. Кстати, касался он только войск первой линии. Тыловикам спиртного не полагалось.

Масштабы снабжения были уже не те, что в финскую кампанию, «мерзавчиками» было не обойтись. Водку доставляли на фронт в молочных бидонах и дубовых бочках. Для производства водочной тары специальным решением ГКО было выделено 150 тонн гвоздей, 80 тонн металлической ленты, 25 тонн заклёпок и 600 тонн обручного железа. Стеклотара также использовалась и вскоре превратилась в стратегическое сырьё. Стекольные заводы всей страны работали на единственного заказчика – Главспирт Наркомпищепрома СССР. А Управление продовольственного снабжения РККА было обязано обеспечить в полторамесячный срок возврат на заводы не менее половины стеклянной посуды и не менее 80 процентов бочек. Кстати, именно тогда впервые в стране появились пункты приёма стеклотары.

Порядок выдачи спиртного регули-

ровался указом Наркомата обороны. А непосредственное распределение его между частями поручалось командующим фронтами. Причём особый акцент делался на то, чтобы соблюдались строжайший порядок и нормы выдачи водки.

И польза, и вред

О соблюдении нормы глава ГКО беспокоился не зря. Спиртным злоупотребляли частенько: потери среди личного состава были столь велики, что завезённые утром пайки на 100 человек к вечеру делили между 60-ю. Режиссёр Пётр Тодоровский, прошедший всю войну пехотинцем, вспоминал: «Старшина шёл по траншею с ведром и кружкой, и каждый наливал себе. Те, кто был постарше и поопытнее, отказывались. Молодые и необстрелянные пили. Они-то в первую очередь и погибали. «Старики» знали: от водки добра ждать не приходится. А молодым после ста грамм море было по колено – высказывали из окопа прямо под пули».

Кстати, одно время поговаривали о настоящей эпидемии среди лётчиков-штурмовиков, которые, «заправившись» перед вылетом, не могли удержать самолёт на бреющем полёте. А на Северном флоте из-за коньяка погибла крейсерская подводная лодка капитана Каутского: начальник штаба охранявшей территориальные воды эскадрильи, перебравший с вечера, забыл сообщить экипажу дежурного торпедоносца, что тяжёлая ШЦ-422 будет проходить через патрулируемую территорию.

Но постепенно отношение к спиртному стало более утилитарным: раненых буквально мыли водкой, дезинфицируя снаружи. И наливали каждому, чтобы преодолеть болевой шок. А излишками «хлебного вина» пользовались для поощрения отличившихся или в качестве дополнительного пайка в морозы. Порядок был восстановлен.

Так что русский солдат благодаря «наркомовским граммам», скорее, не «начал пьянствовать», а стал более сознательным в вопросе питья.

Луковая традиция

Солдатам не всегда было из чего пить «пайковые» граммы. Обычно чистили большую луковицу и наливали водку в выпуклые «блюдца» луковых чешуек. Помещалось 30–40 граммов: выпивка и закуска в одном.

Кстати, если говорить о пайках, то «закуска» солдатам полагалась весьма достойная: 110 граммов «польской» колбасы в сутки, квашеная капуста, солёные огурцы, помидоры, лук, сало. Другое дело, что чаще всего всё это великолепие было лишь на бумаге. Потому что дело не обходилось без злоупотреблений.

Весной 1942 года потребление спиртного на фронте попытались снизить, справедливо полагая, что холода закончились и сохранение прежней нормы выдачи более не нужно. 11 мая было подготовлено к публикации постановление ГКО: «Прекратить с 15 мая 1942 года массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии. Сохранить ежедневную выдачу водки только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков, увеличив норму выдачи водки военнослужащим этих частей до 200 граммов на человека в день». На проекте постановления «200» зачеркнуто красным сталинским карандашом и указано: «100 грамм».

Для остальных солдат и офицеров право на водочный паёк оставалось только по праздникам: в дни годовщины революции – 7 и 8 ноября, в День Конституции – 5 декабря, на Новый год – 1 января, в день Красной Армии – 23 февраля, в дни Международного праздника трудящихся – 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника –

Старые солдаты от водки перед боем отказывались – жить ещё хотелось

19 июля, а также во Всесоюзный день авиации – 16 августа и в день формирования соответствующей войсковой части. Итого – десять дней в году.

Микояновская либерализация

Правила выдачи водочного пайка несколько смягчились только в 1943 году, по ходатайству наркомпрода Анастаса Микояна и начальника тыла армии генерал-лейтенанта Андрея Хрулёва. Они обратились с докладной на имя главковерха Сталина, предлагая «установить ежемесячный лимит расхода водки каждому фронту». Надо сказать, что у микояновской либерализации были объективные причины: зима 1943 года выдалась не менее холодной, чем во время финской кампании, и спиртное снова стало необходимостью для выживания в окопах.

По 100 граммов в сутки на человека теперь выдавали не только наступающим частям, но и всем подразделением, ведущим непосредственные боевые действия и находившимся на передовых позициях, а также разведчикам. Норма распространялась на артиллерийские и миномётные части, поддерживающие огонь пехоту. Тыловикам, работающим под огнём противника, и раненым наливали половинную дозу. Остальные же пили, как и раньше, – по праздникам. А вот на Закавказском фронте водку не пили. Вместо 100 граммов водки здесь решено было выдавать 200 граммов крепёного или 300 граммов столового вина.

Кстати, немецкие пропагандисты так и не смогли понять «загадочной русской души». В 1941 году они выпустили листовку, вызывавшую искренний смех у всех, кому она попадала в руки: «Красноармейцы! Не подлость ли напоить человека водкой, чтобы он, одурманенный ею, лез в бой, в котором ему предстоит верная смерть? Так поступает ваше командование. Не исполняйте приказаний, толкающих вас на гибель!...»

Водка – это в меру водка, а без меры это измеритель нашего идиотизма. Ишхан Геворгян